

The book cover features a stylized illustration. At the top left, a small red fish swims. In the center, a large, textured blue mass, resembling a giant's foot or a giant's head, dominates the scene. A red, textured shape, possibly a hand or a piece of clothing, is visible within the blue mass. In the bottom left corner, a woman in a red and white patterned dress is depicted. The background is a light beige color.

Владислав Олегович
Терещенко

**Поцелуи
в кукольном
домике**

Владислав Терещенко

Поцелуи в кукольном домике

«Издательские решения»

Терещенко В. О.

Поцелуи в кукольном домике / В. О. Терещенко — «Издательские решения»,

В дом известного религиоведа и культуролога Олега Платоновича постучалась беда. Утрата любимой женщины стирает грань между этим миром и миром фантазмагорий. Но именно это свободное падение подсказывает ему ответ на самый главный вопрос.

Содержание

Поцелуй меня в кукольном домике	6
Томление	7
Ничем не примечательное жизнеописание Варвары	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Поцелуи в кукольном домике

Владислав Олегович Терещенко

© Владислав Олегович Терещенко, 2015

© Анастасия Андреевна Кардашова, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Поцелуй меня в кукольном домике

*Но каждый из нас утром, глядя в зеркало,
смотрит лишь на себя самого,
и не глядит вокруг,
и не замечает наготы другого,
и я не люблю тебя – любимая.*

Хулио Кортасар

Перед тем, как ее глаза навсегда сомкнулись, Варвара вспомнила нежные поцелуи в кукольном домике. То было весной, февральский снег резал ей щеки, отчего всю дорогу она причитала. «Пальцы окоченели, тепло никогда не придет в этот город», – ее хрупкие кисти не спасал даже карман вельветового пальто. У нее была странная аллергия на промозглость, кисти покрывались густыми, красными пятнами, коими в древности обладали лишь христовы невесты и дельфийские пророчицы. Олег Платонович как мог растирал ее руки своими, тепло улыбался, и чтобы хоть как-то спасти положение, пригласил Варю пройти в галерею, находившуюся всего в нескольких метрах от влюбленных.

Зайдя в помещение, и отряхнув стопы от грязных тающих остатков, Олег Платонович и Варечка (как он любил временами ее называть) проследовали на второй этаж, дабы приобрести контрамарки. Особенность галереи была в ее перемежении с гостиницей. Вот только кассира они не нашли. И постояльцев в ней не было. Она была абсолютно пуста, чему Варвара обрадовалась до детских слез, изрядно застилавших ее нежное, детское веко, и к чему Олег Платонович отнесся с большим недоверием и легкой опаской. «Ну же, пойдем посмотрим, не будь занудой. Смотри какая картина! Интересно, художник жив или мертв? Как ты считаешь, Олег, он любил один или множество раз? Когда он писал картину луна представлялась ему хлебным мякишем или грудой палой листвы?» «Ты ребенок, Варя». Олег Платонович расплылся в теплой улыбке. «Луна ему мнилась исключительно луной. И любил он только однажды». «Откуда такая уверенность?». «Мужчина всегда любит лишь один раз, все остальное – клише навязанное беллетристической литературой и мирскими бреднями.» «А многим женщинам до меня ты признавался в любви?» «Достаточному количеству, но в своих словах я опирался на то понятие, которым до тошноты переполнена наша культура, то, которое муссируют в рекламах, газетах, кинематографе, а значит правды в моих признаниях было столько же, сколько эти девицы могли унести в своих ушах, но никак не в сердце.» «Если умру, сможешь полюбить другую?» «Не хочу даже об этом думать, ты и в прям ребенок.» «Просто хочу, чтобы мы были как Филемон и Бавкида». Варвара была убеждена, что ей суждено умереть ровно в 24 года. Эта идея-фикс поселилась в ее голове будучи в восьмилетнем возрасте. Тогда она вместе с родными поехала смотреть на только что купленную дачу за городом. Проехав около четырех километров по местному тракту, она стала замечать могильные плиты с венками и черно-белыми фотографиями. Ее это впечатлило настолько, что ночью ей приснился (как после она станет считать) наполовину вещий сон.

Томление

Ей снились ржавые ограды плотно вкопанные в изъеденную проплешинами и проталинами землю, цвета болотной тины. На неизвестном гротескном (в силу странной, неправильной геометрии) кладбище пахло сыростью, пластмассовыми куклами, и, что странно, не процессами окончательного разложения, но обыкновенной (в той степени, в которой это может сойти за обыкновение) старостью. (Вероятно, здесь сыграло особую роль топографическое расположение детства Варвары. До 7 лет оно проходило в деревне у родственников по материнской линии. Тамара Иннокентьевна [бабушка Вари по материнской линии] постоянно наказывала ей ходить в мрачный погреб за соленьями, не то чтобы это было мукой для маленькой девочки, но бурная детская фантазия, вкупе с обостренным обонянием, дорисовывали в голове Вари абрис крошечной темноты и играли им на свой коварный лад). На надгробных памятниках висели до сепии выцветшие фотографии, они изображали не самого человека, но то кем и как он себя видел еще при жизни. Плиты были усеяны четным числом вечно алых гвоздик, и нетронутыми рюмками с кристальной водкой. Захоронения, по прихоти мертвого хозяина, могли долгое время пустовать, оттого они являлись нечто средним между могилой и кенотафом. Примечательно, что определенность эта терялась вместе с усопшим. Варвара наблюдала, как мертвые совершенно спокойно совершали своеобразный ритуальный променад по собственным владениям, но были ограничены (то ли высшими силами, то ли законами сновидения) ржавой оградой, выйти за которую они не могли. Тела их были укутаны в желтые простыни. (в чем по прошествии времени, Олег Платонович, коему из уст в уста поведается со всей филигранностью сон в его тончайших деталях, найдет символ от которого мурашки пойдут по затылку, а зубы горько заноят. После вкрадчивых раздумий, которым изрядно будет мешать патетика вопросительного тона Варвары, он расскажет ей, что индуистские жрецы которым надоедали рамки брахманистского учения, в поисках абсолютной истины предавались аскезе уходя в бесплодные пустыни. Таким образом жрецы становились шраманами – странствующими философами. После долгих хождений, и психопрактик под зноем и палящим солнцем, некогда белоснежные одеяния становились желтыми, что в последствии служило отличительным знаком) Выглядели они отнюдь не юродствующими или прокаженными, а скорее напоминали обычных, глубоко пожилых людей демонстративно хранящих свое молчание. (В этом месте сна, Олег Платонович вспомнит махасиддхов [великие святые] которые собирались группами на кладбищах и предавались созерцанию). Сами могилы (кенотафы) были оформлены на манер комнат в малосемейках. По мебели и общей обстановке можно было с легкостью сделать вывод о профессии покойного. Варвара побывала в нескольких. В одной она увидела журнальный столик с кипой бумаг, на которых были выведены отчего-то зачеркнутые ноты. В углу стоял грязный плафон и пыльный, но этого не теряющий своей солидности, контрабас. В центре же располагался пюпитр и одинокий смычок. Другая «комната» была буквально завалена бланками, счетами, и директивами. Ничего кроме бесчисленных полок и уставшей печатной машинки в ней не было. Создавалось впечатление, будто без письменных указаний, хозяин (еще будучи живим) не мог существовать, и в упор не видел того, что не было заверено на бумаге юридически корректно. Сомнамбулической походкой Варвара проследовала в соседнее помещение, которое располагалась через вымощенную тропу. Никакой двери или входного люка, лишь арка сделанная из неизвестного материала беспечно-пепельного цвета. Внутри комнаты тускло горело вытекшее, каким-то образом из лампы, масло. Подобно патоке, оно медленно стекало сначала с лакированной поверхности резного стола, продолжало двигаться в низ по его ветхим ножкам, пока в конце концов маленькой лужицей не останавливалась на каменном полу. Языки пламени были преисполнены кротости, и, наверное, в силу того, что проживали здесь на полных правах (наверняка заверенных в соседкой «конторе») никоим образом не наносили

мебели ущерба. Возле правой стены вольготно себя ощущала стоячая вешалка, на которой висел слегка изъеденный молью цилиндр и увесистый черный зонт-трость.

Пройдя вглубь помещения, по все той же правой стороне, Варвара увидела встроенный в стену камин, а напротив него массивную полку с несколькими книгами. Рассматривая (не разбирая строчек) одну из них, она подумала, что все виденные кенотафы выглядели бедно, а иногда и вовсе заброшено. С другой стороны, смысла в хорошо устроенном быту для мертвых Варвара так и не смогла найти. Из закоулков собственных мыслей ее заставило вернуться что-то легкое прикосновение ладонями. Обернувшись (вовсе не держа на сердце тревогу) Варвара увидела перед собой измазанного в саже мальчика, лет двенадцати, который был одет в мутно-оливковый (и явно приходившейся ему не по размеру) макинтош. Он молча взял ее за руку, отвел прямо под арку, и тихой, размеренной интонацией произнес: «Когда вы вырастете в прекрасную женщину с детским лицом, вас вырвут из теплых, любящих рук, дабы вы стала добычей пламени». Как только Варвара начала открывать рот, чтобы задать вопрос, мальчик резким движением положил на ее влажные губы темный лепесток и сказал: «Вам пора». С этого момента, ноги Варвары перестали ее слушаться и несли тело по собственной воле к увитой плющом калитке. Там где, ее стопа касалась земли, выросал черный тюльпан. Как только ей удалось выйти за ограду кладбища, Варвара проснулась, и тут же побежала рассказывать сон своей бабушке. Через семнадцать лет, она поведает его и Олегу Платоновичу, но в отличие от Тамары Иннокентьевны, истолковывающей рассказанные сны натошак, он обладал даром менее экзотическим, но от этого не менее важным – снимать с языка.

Ничем не примечательное жизнеописание Варвары

Ее мать звали редким, по тем временам, именем – Марианна. Поэтому когда вышел сериал «Богатые тоже плачут» с главной героиней тезкой, и ее возлюбленным (в фильме) Луис Альберто, множество людей (и это если сознательно упускать такой эпитет как «великое») при знакомстве с ней не упускали случая пошутить на дурной манер. «Вас как зовут?» «Марианна» «Ну тогда я Луис Альберто!». Зачастую, общение с визави прекращалось именно на этом моменте.

Варвара родилась когда Марианна была на первом курсе, а ее муж Дмитрий, в это же время, заканчивал пятый. Старались как могли. Очень часто Варвару брала к себе Тамара Иннокентьевна, предварительно уведомив всех своих подруг, что телефон она отключает дабы полностью посвятить себя развитию маленькой Вари. Такой подход не заставил себя долго ждать и уже вскоре начал давать плоды. В один год и два месяца Варвара умела считать до 10, различать некоторые цвета, и уверенно выстраивать простые предложения. Какого же было удивление гостей, когда маленькая Варя выходила из своей комнатки, внимательно смотрела на только что пришедшую девушку и безошибочно произносил. Однажды, когда у них гостили друзья семьи, Варя вышла из своей комнатки, внимательно посмотрела на приезжую девушку, и произнесла: «У тети глаза синие». Стоит ли говорить о том, что удивлению присутствующих не было предела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.